

**Новый договор о стратегических наступательных вооружениях:
назад, в будущее или вперед, в прошлое?**

Не успели высохнуть чернила на подписях президентов России и США под двусторонним Договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, как это событие сразу же было провозглашено историческим, важным шагом вперед по пути ядерного разоружения. Вряд ли стоит оспаривать столь высокую оценку данного документа, тем более что она дана его авторами, которые по вполне объяснимым причинам просто не могут по-другому характеризовать это соглашение. Вопрос в том, как к нему отнесутся законодатели России и США, которым предстоит ратифицировать Договор. Как представляется, все будет зависеть от того, действительно ли новое соглашение в области СНВ устанавливает равенство сторон во всех областях или же одна из них может получить серьезные преимущества путем «обхода» Договора или вследствие его несовершенства.

Прежде всего, отметим, что указанный в документе уровень остающихся после намеченных сокращений развернутых стратегических боезарядов (1550 ед. для каждой из сторон) не соответствует реальному положению дел. На практике этих вооружений будет значительно больше, что предусмотрено самим Договором. Дело в том, что каждый развернутый стратегический бомбардировщик (для целей Договора — тяжелый бомбардировщик — ТБ), оснащенный для ядерных вооружений, засчитывается как один носитель и как один боезаряд. В действительности же американские ТБ способны нести до 20 таких боезарядов (крылатых ракет или авиабомб), а российские — до 16. С учетом количества ТБ, находящегося на вооружении каждой из сторон (несколько десятков у каждой), общий уровень развернутых на стратегических носителях ядерных боезарядов, по разным оценкам, у США может достигать 2200—2500 ед., а у России — 2000—2200 ед. В Договоре также ничего не сказано о ядерных крылатых ракетах морского базирования (КРМБ) большой дальности, а эти вооружения могут добавить еще почти по 900 боезарядов для каждой из сторон (согласно Заявлениям США и СССР от 1991 г., каждая из сторон может иметь до 880 таких ракет). Интересно отметить, что среди 90 согласованных в Протоколе к договору терминов и их определений не нашлось

* Савельев Александр Георгиевич — д.п.н., профессор кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий Отделом стратегических исследований Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (e-mail: saveliev@imemo.ru).

места главному — определению понятия «стратегические наступательные вооружения», т.е. самого предмета Договора. Но даже если КРМБ в категорию СНВ стороны не включают, то превышение реальных уровней остающихся после сокращений ядерных боезарядов, развернутых на стратегических носителях, над декларируемым может быть довольно значительным. При этом, еще раз повторим, никакого нарушения Договора ни с одной стороны не будет.

Таким образом, уже в этом вопросе мы будем наблюдать определенное (возможно, даже значительное) неравенство сторон в уровнях остающихся после сокращений стратегических ядерных боезарядов. Конечно, такое неравенство (вернее, возможное преимущество США) вряд ли можно считать подрывом стратегической стабильности, создающим угрозу для безопасности России. Но факт остается фактом: заявленные «глубокие сокращения» СНВ сторон на практике оказываются не столь уж «глубокими».

Более того, по сравнению с российско-американским Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г. (до 1700—2200 ед. реально развернутых стратегических боезарядов), таких сокращений может вовсе и не быть. Речь будет идти только о некотором изменении структуры СНВ сторон, включая вывод из их состава определенного количества стратегических систем (перевод их в неядерное оснащение или ликвидацию), а также частичную замену старых систем оружия на новые, естественно, в ограниченных количествах. Таким образом, подписанный Договор вряд ли можно считать серьезным шагом вперед по пути ядерного разоружения по сравнению с соглашением 2002 г. Скорее, его можно назвать шагом назад, к советско-американскому Договору СНВ-1 1991 г., поскольку именно этот документ послужил основой для согласования комплексной системы проверки и контроля над развернутыми стратегическими системами, переоборудованием и ликвидацией этих вооружений, уведомлений и ряда других положений, повышающих уверенность сторон в неукоснительном соблюдении Договора его участниками.

Трудно спорить с вполне здравым утверждением о том, что подобная уверенность является непременным условием заключения любого договора, включая соглашения о контроле над вооружениями. Тем не менее, новый Договор создает стойкое ощущение возврата к чему-то пройденному, к временам Рейгана — Буша-старшего — Горбачева, когда стороны стремились улучшить свои отношения, но подлинные намерения оппонента оставались для них не вполне ясными. «Доверяй, но проверяй» — вот лозунг того времени, который тогда звучал вполне актуально и прогрессивно. Прошло почти 20 лет, но ни Россия, ни США доверять друг другу так и не научились. Сейчас выдается за большое достижение дого-

воренность о том, что ни одна боеголовка и ни один стратегический носитель не останется вне поля внимания каждой из сторон. Всеобъемлющая система контроля, проверок, уведомлений не оставляет ни для кого шансов «спрятать» какую-то часть стратегического арсенала, «втихую» развернуть пару-другую ракетных комплексов и тем самым обрести «стратегическое превосходство». В данной связи зададимся вопросом: а кому это нужно? С какой целью можно пойти на такую «военную хитрость»? Или простого обмена данными на добровольной основе для нас недостаточно, тем более что предоставляемая информация может быть подтверждена «национальными техническими средствами контроля», т.е. спутниками-шпионами, которыми обладает каждая из сторон?

Все это говорит о том, что Россия и США продолжают считать друг друга «вероятными противниками». Договор СНВ-3 — это типичное соглашение между двумя сторонами, которые друг другу не доверяют, в связи с чем устанавливают всеобъемлющую систему контроля над выполнением условий достигнутой договоренности. Заявляя о «шаге вперед» в области укрепления безопасности и «взаимной победе» в данной сфере, стороны оценивают соглашение исключительно с точки зрения военно-технических аспектов. В оценках Договора экспертами и официальными лицами двух стран подчеркивается укрепление так называемой стратегической стабильности, т.е. невозможности одержать победу в ядерной войне в связи с наличием гарантий (соответствующей количественной и качественной структурой собственных стратегических сил) по нанесению сокрушительного ответного удара в случае неожиданного нападения США на Россию или России на США. При этом гарантии «здорового смысла» в данных оценках практически не фигурируют.

Аргументы о том, что ядерный удар США по России или России по США практически невероятен, совершенно не воспринимаются на уровне военно-технического сообщества. Это вполне объяснимо: эксперты привыкли оперировать конкретными цифрами и фактами, а не эмоциями. Они исходят из возможностей оппонента, а не его намерений (которые во многих случаях вообще не принимаются во внимание или оцениваются по максимально отрицательной шкале).

Но главная проблема состоит в том, что под влияние такого подхода к вопросам безопасности попадают политические лидеры, которые начинают даже гордиться тем, что стали разбираться в вопросах телеметрической информации, траекториях баллистических ракет и знают скорость входа боевых блоков в атмосферу. При этом они видят свою задачу не более чем в достижении равноправной и проверяемой договоренности с оппонентом о том, чтобы ни

одна из сторон не получила военно-технического преимущества над другой. Здравый политический смысл сводится именно к заключению подобных договоров, которые затем представляются мировой общественности как «важный шаг» на пути к разоружению и укреплению международной безопасности. Во всяком случае в Договоре СНВ-3 лидеры двух стран не смогли подняться над чисто военно-техническими аспектами проблемы, продолжая следовать десятилетиями отработанной схеме контроля над вооружениями времен «холодной войны».

В данном случае, на наш взгляд, претензии в гораздо большей степени можно предъявлять президенту США Б. Обаме, нежели российскому президенту Д. Медведеву. В новом Договоре Россия себе не изменила. Мы никогда не заявляли, что полностью доверяем США и готовы на односторонние действия в стратегической области. Мы не верим в полное ядерное разоружение. Более того, роль ядерного оружия в обеспечении безопасности РФ неуклонно повышается. Есть все основания говорить о том, что нынешний Договор с российской стороны оценивается как значительное достижение в большей степени потому, что состояние нашей военной экономики и финансовые проблемы не позволяют поддерживать и модернизировать стратегический ядерный арсенал, превышающий 1500 развернутых боезарядов. По многим оценкам эта цифра должна быть гораздо меньшей — не превышающей 1000 боезарядов.

Что касается Б. Обамы, то он и его демократическая администрация в новом Договоре сделали как минимум один, а то и два шага назад по сравнению со всеми нелюбимой администрацией Дж. Буша-младшего. При этом, похоже, ни президент США, ни представители его администрации, отвечающие за переговоры, этого пока не поняли. Ведь именно Дж. Буш-младший в 2002 г. в «Обзоре ядерной политики США» («Nuclear Posture Review») обнарудовал совершенно новый подход к стратегическим взаимоотношениям между двумя странами, фактически объявив об односторонних сокращениях американского стратегического арсенала более чем в три раза (с 6000 тыс. «засчитываемых» по Договору СНВ-1 стратегических боезарядов, т.е. с более чем 7000, до максимум 2200 ед.), не требуя никаких ответных шагов со стороны России. Его подход был до гениальности прост: Соединенные Штаты больше не рассматривают Россию как «вероятного противника», поэтому они никак не будут реагировать на любые программы в области стратегических наступательных и оборонительных вооружений, которые Россия сочтет необходимым осуществлять в целях укрепления своей безопасности. Такого же подхода к американским действиям, в частности в сфере ПРО, Соединенные Штаты ожидали и от нашей страны. Не исключено, что на этот шаг Дж. Буша-

младшего «вдохновила» более чем умеренная реакция России на объявленный в конце 2001 г. выход США из Договора по ПРО, а также всемерная поддержка и сочувствие американскому народу со стороны РФ в связи с террористическими актами 11 сентября 2001 г.

Иными словами, Дж. Буш-младший предложил России перейти на такой же характер стратегических отношений, который Соединенные Штаты установили со своими ядерными союзниками по НАТО — Великобританией и Францией. Он охарактеризовал это как переход от отношений взаимного гарантированного уничтожения к «взаимному сотрудничеству». К такому повороту событий Россия явно была не готова, считая, что только укрепление «стратегической стабильности» может гарантировать надежную безопасность страны. И несмотря на то что в дальнейшем руководство РФ неоднократно делало заявления о переходе на новые принципы стратегических отношений с США (как, например, в Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений от 6 апреля 2008 г., в которой было заявлено, что Россия и США «отвергают мышление по принципу “игры с нулевой суммой” времен холодной войны», «должны перешагнуть барьеры стратегических принципов прошлого, сфокусированных вокруг перспектив взаимного уничтожения, и сосредоточиться на реальных угрозах, которым наши страны противодействуют»), приверженность к принципу «стратегической стабильности» сохранилась в качестве краеугольного камня подходов РФ к проблеме безопасности.

Реализуя такой «апробированный» подход, Россия настояла на том, чтобы решение США об односторонних сокращениях стратегического арсенала трансформировалось в договор (Договор о СНП). Теперь этот подход обрел более изощренную форму Договора СНВ-3, в очередной раз установившего те самые «стратегические принципы прошлого», от которых стороны, казалось бы, отказались в 2008 г.

Таким образом, выражать восторги по поводу заключенного соглашения СНВ-3 несколько преждевременно, по крайней мере, со стороны США. Видимо, в ходе дебатов в процессе ратификации Договора мы услышим более взвешенную оценку этого «достижения» с точки зрения как реальных сокращений, так и перспектив стратегических отношений между двумя великими ядерными державами, включая «движение к безъядерному миру», которое больше похоже если не на «откат», то на приближающийся тупик.